

Что в своем опыте нарушения драматической иллюзии Кюхельбекер пользовался немецкими источниками, представляется несомненным. Напомним, однако, и то, что в области «романтической мифологии» (как называл ее поэт) он продолжал линию собственной пьесы «Шекспировы духи» (через посредство которой перешли в «Ижорского» заимствованные у Шекспира Ариэль и Титания). В предисловии к пьесе он ссылается как на английского драматурга, так и на Виланда и Я. Беме. С другой стороны, «Ижорский» не чистая драма, и надо предполагать, что Кюхельбекер учитывал эффект нарушений повествовательной условности в «Евгении Онегине». В более отвлеченном плане можно говорить о стихотворно-повествовательном и драматическом вариантах романтической игры с условностью (прозаический вариант был представлен стернианской традицией). Что касается замечаний Ю. В. Манна об этимологически прозрачных, в духе сатиры и комедии XVIII в., именовании эпизодических персонажей, следует добавить, что именование главного героя также семантически нагружено, хотя антропонимический контекст здесь построен иначе. 'Ижорский' — это, во-первых, перифраз к 'петербургский' и, во-вторых, отсылка к 'Онегин' (Ижора — Онега). Антропоним, таким образом, интерпретирует «байрововско-онегинский» тип героя и превосходит не только Лермонтова (Печора — Онега), но и Достоевского в его Пушкинской речи. Легко семантизируются также имя Ижорского — Лев и отчество Петрович, которое может быть осмыслено как вариация «петербургского» (ср. наблюдения М. С. Алтмана над именами «последней Петра I» у Достоевского).

Чем шире концепция, тем более необходимо четкое обозначение ее границ. Монография изучает романтизм как «целый художественный комплекс», и, поскольку состав этого комплекса не дан как нечто само собой разумеющееся

и постоянное, читателю безразлично, что именно включается в него, а что исключается. Это важно не только в процедурном отношении, но и по существу предмета — прежде всего, чтобы понять, существовала ли единая романтическая поэтика, хотя бы только поэтика конфликта, или надо говорить о различных поэтиках (в частности, о разной организации конфликта) внутри «комплекса», объединять которые правомерно лишь на ином, более высоком уровне абстракции. Не рассмотрено то или иное явление потому, что мыслится в качестве однотипного рассмотренным, или, наоборот, потому, что оно другого типа? Если «Страшное гаданье» Марлинского иронически остраивает романтический конфликт (оставляем в стороне наше несогласие с этой трактовкой), то как относится к нему «Вечер на Кавказских водах в 1824 году» того же автора или «Двойник» Погорельского и так далее — ряд выстраивается, конечно, очень просто. Автор не предупреждает подобных вопросов. В том, что относится к фантастике, некоторый ответ можно, по-видимому, найти не в книге, а в недавней очень содержательной статье Ю. В. Манна «Эволюция гоголевской фантастики». В другом случае разъяснения даны (о прозе в стиле В. Скотта), но они все же недостаточны в силу своей отсылочной формы.

Многие положения работы Ю. В. Манна, которые нам не удалось упомянуть, как и вопросы иного порядка — соотношение поэтики и интерпретации в книге или характерное для теперешней филологической ситуации соединение «традиционного» литературоведческого языка с терминологическими новациями, — могли бы стать объектом обсуждения, и позитивного и дискуссионного. Эта возможность, предоставляемая почти любым разделом монографии, подтверждает ее научное значение.

Е. А. Тоддес

М. С. Шаповалова. Шекспір в українській літературі. Львів, «Вища школа», 1976.

История того, как великий иностранный писатель внедряется в жизнь того или другого народа, как он проходит через его литературу, какой оставляет в ней след, — это история, ведущая к очень глубокому пониманию характера международных культурных связей, пониманию этого автора, взятого в действии, в обнаружении творческой его энергии.

В советском литературоведении первый пример такого рода исследования — превосходная книга В. М. Жирмунского «Гете в русской литературе». Хочется отметить и весьма удачную книгу И. Катарского «Диккенс в России». Такого рода темы, посвященные роли русских и ино-

странных писателей в украинской культуре, характерны для украинского литературоведения.

Особенный интерес вызывает только что появившаяся книга М. С. Шаповаловой о Шекспире и его роли в развитии украинской литературы.

Поразительно, с какой настойчивостью многие украинские писатели и в XIX в. и в наше время захвачены были одной мыслью: их родная литература должна достигнуть уровня творчества великого английского драматурга. Так, Михаил Драгоманов в 70-х годах прошлого века мечтал о хороших переводах Шекспира на украинский язык и протестовал против